

П. Юшкевич

**Теория и практика
синдикализма**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
П11

П11 **П. Юшкевич**
Теория и практика синдикализма / П. Юшкевич – М.: Книга по Требованию,
2026. – 66 с.

ISBN 978-5-458-54803-8

ISBN 978-5-458-54803-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.

Историческая теорія синдикализма: ея идеализмъ и дуализмъ.

Сначала нѣсколько выписокъ.

«Въ послѣднее время, пишетъ итальянскій синдикалистъ Лабріола, нѣкоторые социалисты усиленно старались придать материалистическому пониманію исторіи консервативный характеръ», а именно, ими «отрицается всякое преднамѣренное и сознательное воздѣйствіе на общественную организацію и, поэтому, признается излишнимъ энергическое противодѣйствіе реакціоннымъ попыткамъ другихъ классовъ и консервативныхъ партій» («Реформизмъ и синдикализмъ», с. 7 и 8).

«Историческій материализмъ, читаемъ мы у другого итальянскаго теоретика, изуродованный традиціоннымъ социализмомъ (т. е. социаль-демократіей) для избираемыхъ и политическихъ цѣлей, не исключаетъ—какъ это доказываетъ Сорель—ни человѣческой воли, ни конъюнктуры случайныхъ обстоятельствъ при опредѣленіи процесса общественной жизни... Историческій материализмъ—если только правильно его понять—ни въ коемъ случаѣ не приводитъ къ слѣпой и невольной фатальности общественнаго процесса» (Энрико Леоне, «Синдикализмъ», с. 31).

«Рядомъ съ необходимымъ развитіемъ капитализма существуетъ (сознательное) волевое развитіе пролетаріата. Социализмъ не будетъ осуществленъ автоматически ни экономической эволюціей, ни доктринальными предсказаніями: онъ будетъ дѣломъ *пролетарской воли*, закаленной въ пылающемъ огнѣ борьбы. Марксъ постоянно противопоставлялъ *фатальности* капитализма *свободу* пролетаріата» (Лагордеалль, въ „Mouvement Socialiste“, Octobre 1906, с. 11).

Что говорятъ эти три выписки, къ которымъ можно было бы присоединить множество другихъ совершенно

подобныхъ? Онѣ содержатъ въ себѣ обвиненія, будто социаль-демократія, исказивъ ученіе Маркса, стала *фаталистически* понимать процессъ освобожденія рабочаго класса, т. е. стала думать, что социалистическій строй народится самъ собой, придетъ автоматически, безъ всякаго усилія со стороны заинтересованнаго въ немъ пролетаріата. Чудовищность и нелѣпость этого обвиненія бьетъ прямо въ глаза. Социаль-демократія фаталистична! Но зачѣмъ ей тогда избирательная борьба, зачѣмъ участіе въ политической жизни страны, зачѣмъ непрестанная агитація, устная и письменная, агитація, пытающаяся растормошить и разбудить даже самые отсталые слои пролетаріата, зачѣмъ демонстраціи и политическая революція, зачѣмъ, наконецъ, существованіе самой социаль-демократической партіи, разъ исторія дѣлается безъ участія людей и ихъ сознательной воли? Очевидно, когда синдикалисты бросаютъ социаль-демократіи упрекъ въ фатализмъ, у нихъ имѣется другой умыселъ. И умыселъ этотъ намъ не трудно понять, если вспомнить, что подобныя же обвиненія въ фатализмъ раздавались лѣтъ 10—12 назадъ по адресу русскихъ социаль-демократовъ со стороны отцовъ теперешнихъ социалистовъ-революціонеровъ, народниковъ (да и теперь иногда социалисты-революціонеры въ борьбѣ съ социаль-демократами вытаскиваютъ это заржавѣвшее оружіе). Социаль-демократы указывали тогда, что Россія безповоротно ступила на путь капиталистическаго развитія; они говорили, что этому факту нужно покориться, но покориться, конечно, не сложивъ руки, а используя всѣ представляемыя капитализмомъ огромныя возможности: организацію пролетаріата и пр. Народникамъ же все это представлялось въ видѣ безсильнаго, пассивнаго подчиненія ходу исторіи; противъ этого «фатализма» они взывали къ «критически мыслящей личности», т. е. попросту къ революціонной интеллигенціи, которая, казалось имъ, все можетъ, въ томъ числѣ и повернуть колесо исторіи, избавивъ Россію отъ мукъ капитализма и отъ пролетаріата.

Своего рода всемогущество, которымъ народники надѣляли революціонную интеллигенцію, за много десятковъ лѣтъ до того утопическіе социалисты приписывали просто отдѣльнымъ крупнымъ личностямъ; инымъ изъ утопистовъ казалось, напимѣръ, что, если бы какой-нибудь мудрый правитель усвоилъ ихъ взгляды, то общество легко и безболѣзненно перешло бы къ лучшему строю и разомъ было бы избавлено отъ всѣхъ раздражающихъ его теперь противорѣчій и несовершенствъ.

Противъ этого наивнаго пониманія историческаго процесса Марксъ и выставилъ понятіе *историческаго закона*, исторической закономерности. Ни отдѣльная личность — какъ бы значительна она ни была — ни опредѣленная общественная группа, ни даже цѣлый общественный классъ, не «могутъ всего», т. е. неспособны по своему исключительному произволу направлять судьбы исторіи. Они могутъ кое-что, а подчасъ даже и очень много, но всегда въ рамкахъ и границахъ, которыя имъ ставятся всей совокупностью общественнаго процесса. Исторія развивается въ борьбѣ классовъ, такъ учитъ теорія социализма; нельзя поѣтому умалять значенія воли какого-нибудь класса, сознавашаго свои цѣли и задачи. Но нельзя и преувеличивать значенію *субъективной, идеальной* силы въ ущербъ значенію *объективныхъ, матеріальныхъ* условій развитія. Для правильной оцѣнки вещей надо избѣгать какъ фатализма, съ одной стороны, такъ утопизма и идеализма — съ другой.

Теперь мы можемъ понять позицію синдикалистовъ въ этомъ вопросѣ. Они обращаются къ Марксу (противъ марксистовъ) для того, чтобы авторитетомъ его имени прикрыть свое по существу *идеалистическое* пониманіе исторіи. Какъ и утописты, какъ и наши народники, синдикалисты, въ концѣ концовъ, идеалисты: но только въ то время, какъ утописты надѣляли историческимъ всемогуществомъ отдѣльную личность, а народники — революціонную интеллигенцію, синдикалисты надѣляютъ имъ революціонный пролетаріатъ.

Поэтому они такъ много говорятъ о сознательной волѣ пролетаріата, о его—пользуясь выраженіемъ Лагорделля—свободѣ въ противоположность фатальности капитализма. Марксъ, конечно, никогда не призналъ бы такой безусловной свободы пролетаріата. Пролетаріатъ дѣйствуетъ не въ безвоздушномъ пространствѣ. Окружающая его общественная среда далеко не является податливой мягкой массой, изъ которой онъ можетъ лѣпить, что ему угодно. Петербургскій пролетаріатъ, рѣшившій въ ноябрѣ 1905 года ввести захватнымъ порядкомъ восьмичасовой рабочій день, тоже считалъ себя безусловно свободнымъ творцомъ исторіи. Но суровый полученный имъ урокъ долженъ былъ научить его соразмѣрять свою «свободу» съ «фатальностью» капитализма и, разумѣется, всего историческаго развитія.

Синдикализмъ идеалистиченъ. Для него въ дѣлѣ освобожденія рабочаго класса рѣшающее значеніе имѣетъ то, что думаетъ и желаетъ пролетаріатъ, его революціонное настроеніе, его боевая готовность. Марксизмъ же—не отрицая огромной роли воли и сознанія пролетаріата—признаетъ ее не единственной и даже не самой важной силой общественнаго развитія. Мы знаемъ, что въ разныхъ странахъ пролетаріатъ мыслить и желаетъ по разному: англійскій пролетаріатъ въ опредѣленный историческій моментъ ставитъ себѣ инныя задачи и рѣшаетъ ихъ по иному, чѣмъ французскій; французскій опять таки иначе, чѣмъ нѣмецкій, и т. д. Но даже въ одной и той же странѣ рабочій классъ въ различные моменты своего развитія переживаетъ смѣну самыхъ разнообразныхъ идей и желаній. Такъ, напри- мѣръ, французскій пролетаріатъ, революціонный въ 1848 г., послѣ іюньскаго пораженія на долгіе годы утрачиваетъ революціонность настроенія и почти цѣлкомъ уходитъ въ профессиональную работу умѣреннаго направленія; въ 1871 г. въ Коммунѣ онъ снова обнаруживаетъ свою революціонную непримиримость, но за подавленіемъ коммуны опять начинается полоса умѣренности и упадка духа, кончающаяся лишь черезъ

десять лѣтъ съ образованіемъ французской рабочей (соціалистической) партіи и т. д., и т. д.

Если бы мы исходили изъ этихъ смѣняющихся другъ друга и различныхъ въ разныхъ странахъ настроеній пролетаріата, то мы не могли бы даже высказаться за неизбежность соціалистическаго строя, мы не могли бы даже называть себя соціалистами. Но дѣло именно въ томъ, что соціализмъ и наступленіе его не зависятъ *только* отъ воли и сознанія пролетаріата. Есть сила, стоящая выше этихъ желаній или нежеланій рабочаго класса; эта сила, отъ которой въ конечномъ счетѣ зависитъ и столь капризная, повидимому, смѣна настроеній пролетаріата, есть ходъ всего общественнаго развитія, та *фатальность* капитализма,—влекущая за собой рано или поздно фатальность соціализма,—къ которой такъ легкомысленно относятся синдикалисты. Фатальность капитализма—это значить иначе закономерность, правильность, неслучайность экономическаго развитія. Именно изъ этой *объективной*, матеріальной закономерности экономическаго развитія долженъ исходить соціалистъ, а не изъ *субъективныхъ* помысловъ и желаній пролетаріата. И тогда ему и въ голову не придетъ противопоставлять свободу пролетаріата фатальности (т. е. закономерности) капиталистическаго развитія. Кто дѣлаетъ такое противопоставленіе, тотъ попросту отрываетъ пролетаріатъ отъ твердой почвы дѣйствительности; а не считаясь съ дѣйствительностью, нетрудно уже вступить на опасный путь, яко быреволюціонныхъ, авантюръ. Задача соціалиста—очень отвѣтственная и очень трудная задача—въ томъ и состоитъ, чтобы въ каждый данный моментъ уметь *связать* свободу пролетаріата съ фатальностью капитализма. Свобода (соціалистическаго) пролетаріата представляетъ собой естественное продолженіе фатальности капитализма, при чемъ, однако, она не отрывается отъ нея. Соціалистическій пролетаріатъ долженъ быть авангардомъ, передовымъ отрядомъ, въ ходѣ общественнаго развитія; какъ и всякій авангардъ, онъ долженъ идти нѣсколько

впередъ, но, однако, не забѣгать настолько впередъ, чтобъ не оторваться отъ всего цѣлаго—не оторваться и не зарваться. На практикѣ, конечно, весьма трудно опредѣлить то разстояніе, на которое можетъ отойти впередъ въ своемъ дѣйствіи рабочій классъ. Должно признаться, что социаль-демократія не всегда удачно справлялась съ этой задачей; но неудача эта была двоякая: если на Западѣ—въ лицѣ своей умѣренной, оппортунистической фракціи,—она иногда уступала фатальности капитализма, то у насъ, въ Россіи, иногда слишкомъ переоцѣнивалась свобода. И трудно сказать, какого рода ошибка безвреднѣе: та ли, при которой преувеличиваютъ силы пролетариата, или та, когда ихъ уменьшаютъ.

Но если марксистамъ, социаль-демократамъ, приходится на практикѣ ошибаться, то въ этомъ виновата не ихъ теорія, а неправильное пользованіе ею; синдикалисты же просто возводятъ заблужденіе въ правило, когда въ своей теоріи исходятъ изъ сознательной воли пролетариата.

Такова одна сторона историческаго ученія синдикалистовъ; теперь перейдемъ къ другой сторонѣ его, въ которой, повидимому, синдикалисты не только не являются идеалистами, но, наоборотъ, выступаютъ, какъ наиболѣе непримиримые экономическіе материалисты. Обратимся къ тому же Леоне, который намъ разсказалъ, какъ социаль-демократы «изуродовали» историческій материализмъ.

«Открытіе Маркса, пишетъ Леоне, воочію доказавшее, что экономическая власть предшествуетъ политической и что мощь государства является не чѣмъ инымъ, какъ продуктомъ экономическаго господства буржуазіи—не получило (у социалистическихъ партій) никакого практическаго примѣненія».

«Всюду, гдѣ бы онѣ ни возникали, социалистическія партіи съ перваго же дня становились на точку зрѣнія концепціи, опрокидывавшей вверхъ ногами эту историческую истину: не экономика, экономическія силы и

классовые интересы порождают собой послѣдующія политическія формы, а, наоборотъ, политика опредѣляетъ собой экономику—такова сущность этой ложной концепціи» («Синдикализмъ», с. 51).

Нѣсколько раньше Леоне говоритъ, что съ точки зрѣнія историческаго матеріализма социализмъ для своего осуществленія «требуетъ наличности особой, специфированной экономической среды» (с. 48). «Соотвѣтственно духу марксизма, читаемъ мы у него дальше, элементы разбѣданія стараго міра, равно какъ и революціонный ферментъ новаго, должны созрѣвать въ экономической пролетарской средѣ. Съ своей стороны эта специальная *экономическая среда* должна зародиться и достигнуть развитія на почвѣ матеріальныхъ интересовъ, классовыхъ противорѣчій, лежащихъ въ основѣ купли-продажи пролетарской рабочей силы. Экономическій базисъ социализма такимъ образомъ уже найденъ. При помощи цѣлой плеяды своихъ правовыхъ, социальныхъ и политическихъ институтовъ, опирающихся на государство, капитализмъ развивается въ своей собственной промышленной *среде*. Социализму, слѣдовательно, во что бы то ни стало, необходимо расцвѣсть именно въ кругу этого капиталистическаго производства, на той же экономической почвѣ. Таковыми являются въ дѣйствительности лишь профессиональные организмы, которые, организуя пролетаріатъ на базисѣ технической однородности, на естественной почвѣ классовыхъ интересовъ, противоплагаютъ такимъ образомъ капиталистической экономіи социализированныя силы рабочей экономіи, долженствующей стать наслѣдникомъ первой» (с. 49).

Ходъ мыслей Леоне—и всѣхъ синдикалистовъ въ этомъ вопросѣ—таковъ: историческій матеріализмъ учитъ, что «экономика», экономическія отношенія, предшествуютъ и опредѣляютъ собой политическія формы; социалистическій переворотъ, какъ и всякій крупный общественный переворотъ, можетъ имѣть мѣсто только въ экономической области и черезъ соотвѣтственные экономическіе органы — синдикаты; социаль-демократы же,

обращающіе такое вниманіе на политическую борьбу и придающіе ей такое рѣшающее значеніе, идутъ противъ ученія историческаго матеріализма, идутъ противъ Маркса.

Какъ мы видимъ, опять ссылка на Маркса противъ марксистовъ,—но и на этотъ разъ не болѣе удачная, чѣмъ въ первомъ случаѣ. Марксъ разсматривалъ историческій процессъ *монистически*, т. е. онъ видѣлъ его единство и цѣльность, не допускающія такого обособленія экономической среды отъ другихъ областей общественной жизни, какое представляютъ себѣ синдикалисты. Подобно тому, какъ Марксъ не могъ бы противопоставить свободу пролетаріата фатальности капитализма, а, наоборотъ, указалъ бы на связь ихъ, такъ не противопоставлялъ онъ и не разрывалъ политическаго дѣйствія отъ экономическаго, а, наоборотъ, связывалъ ихъ. Экономика опредѣляетъ собой политику, училъ Марксъ. Но это не значило у него, что дѣйствіе происходитъ здѣсь односторонне, только отъ экономики въ направленіи политики: и политика, въ свою очередь, воздѣйствуетъ обратно на экономику. Въ социальной жизни вообще нѣтъ такихъ явленій, которыя были бы только причинами, и другихъ, которыя были бы только слѣдствіями. Причины и слѣдствія мѣняются нерѣдко своими мѣстами: то, что вчера было причиной, сегодня становится слѣдствіемъ, и обратно. И чѣмъ полнѣе какая нибудь причина выражается въ извѣстномъ слѣдствіи, тѣмъ сильнѣе обратное испытываемое ею дѣйствіе. Въ такомъ именно отношеніи находятся между собой экономика и политика. Борьба экономическихъ интересовъ, классовая борьба, находитъ свое самое яркое, самое сконцентрированное выраженіе въ разныхъ формахъ политической борьбы, начиная съ мирной парламентской и кончая революціонными бурями. Когда буржуазія боролась съ феодальными порядками, то она не ограничивалась одной только борьбой на экономической почвѣ. Она била старый строй не только рублемъ, но и дубьемъ. Самый извѣстный примѣръ этого — великая

французская революція, которая завершила многовѣковую—экономическую и политическую—борьбу французской буржуазіи и доставила ей господство. И это господство буржуазіи—даже въ мирное время—выражается не только въ денежной ея силѣ, но и въ ея политической, парламентской власти.

Если экономика и опредѣляетъ политику, то какъ нужное для себя орудіе, а не какъ пустое безцѣльное украшеніе. Роль «политики» съ точки зрѣнія марксизма настолько велика, что именно Марксу и принадлежитъ знаменитое выраженіе, что всякая классовая борьба есть политическая борьба. Но иначе онъ и не могъ думать, стоя на монистической точкѣ зрѣнія. Борьба же синдикалистовъ противъ социаль-демократовъ и ихъ политической дѣятельности, объясняется тѣмъ, что они ненаучно представляютъ себѣ общественный процессъ *дуалистически*, т. е. разрываютъ его на двѣ обособленныя, разнородныя части.

Этотъ дуализмъ не трудно подтвердить выписками изъ сочиненій синдикалистовъ. Такъ, по словамъ Леоне, синдикализмъ признаетъ, что «экономическая дѣятельность подчинена своимъ собственнымъ законамъ, что политическая сфера рѣзко отдѣлена отъ экономической и что процессъ матеріальной жизни не имѣетъ ничего общаго съ жизненнымъ процессомъ государства» («Синдикализмъ», с. 94). «Ничего общаго»—такъ прямо и сказано.

У Лагорделля мы читаемъ еще худшія вещи: «Въ демократіи, пишетъ онъ, пропасть, которая отдѣляетъ правящихъ отъ управляемыхъ, образуется благодаря искусственному характеру политическаго государства, рожденнаго изъ дѣленія общества на классы и имѣющаго исключительной цѣлью поддержать господство буржуазнаго класса. Марксъ указалъ, что государство образовалось надъ гражданскимъ обществомъ и создало свои организмы внѣ его». («Революціонный синдикализмъ» въ изд. «Шиповника», с. 102).

И опять имя Маркса упомянуто все! Марксъ только

въ ужасъ пришелъ бы отъ такихъ старозавѣтныхъ, отдающихъ ученіями XVIII вѣка, теорій, по которымъ политическая жизнь общества носить «искусственный» характеръ, въ отличіе отъ «естественнаго» характера экономики. Въ XVIII вѣкѣ ученые такимъ именно образомъ объясняли происхожденіе всѣхъ общественныхъ явленій. Государство, право, языкъ и пр.—все это признавалось «искусственными» вещами, придуманными и созданными первобытными людьми путемъ договора для удовлетворенія нуждъ совместной общественной жизни.

Съ средины XIX столѣтія подобныя теории были окончательно оставлены наукой. Изъ крупныхъ социалистовъ онѣ встрѣчаются еще у отца анархизма, Прудона, у котораго современные синдикалисты и заимствовали многія свои ученія. Но, конечно, такіе взгляды не имѣютъ ничего общаго съ марксизмомъ.

Почти тождественно выражается и одинъ изъ виднѣйшихъ практическихъ дѣятелей синдикализма, анархистъ Пуже, объясняя существенное различіе между политическимъ движеніемъ и экономическимъ: «первое, говоритъ онъ, все—внѣшность, фасадъ, какъ и преслѣдуемая имъ цѣль; второе имѣетъ глубокіе корни, растущіе въ самой глубинѣ основныхъ интересовъ работника». («*Mouvement Socialiste*», 1907 г., январь, с. 27). Соціальная реальность, рассуждаетъ онъ дальше, заключается только въ экономической средѣ.

Итакъ, съ точки зрѣнія синдикалистовъ, соціальная жизнь раздѣляется на двѣ; рѣзко отличныя и управляющія своими особыми законами, области: первая, экономическая, имѣетъ естественный характеръ и представляетъ собой настоящую, подлинную, реальность; вторая же, политическая, искусственна и есть не болѣе, чѣмъ внѣшность, видимость. Это чисто дуалистическая теорія.

Идеализмъ и дуализмъ—вотъ что представляетъ собой синдикалистская теорія историческаго процесса, въ отличіе отъ марксизма, который *материалистиченъ и монистиченъ*. Присмотримся теперь къ выводамъ, которые дѣлаются изъ этой исторической теоріи.